

Начала права войны (главы второй части трактата «Об общественном договоре»)¹

Руссо Ж.-Ж.

Предисловие переводчика

«Начала права войны» (Principes du droit de la guerre) — единственный на сегодняшний день известный фрагмент второй части «Общественного договора» Руссо. Он был обнаружен Брюно Бернарди и Габриэллой Сильвестрини в рукописях Руссо, хранящихся в библиотеке города Невшателя (первые две части) и Университетской и общественной библиотеке г. Женевы (остальное). Палеографический анализ, а также иные косвенные данные, в том числе и переписка Руссо, позволили издателям доказать, что два фрагмента, хранящихся в разных архивах, являются частями единого целого. Ценность настоящего фрагмента состоит в том, что, согласно признанию Руссо в «Исповеди» (кн. IX), вопросы войны и мира вместе с трактатом «Об общественном договоре» должны были стать частью обширного произведения «Политические установления», которое он задумал написать в середине 1750-х гг. Однако он извлек из обширной рукописи то, что стало трактатом «Об общественном договоре», «уничтожив остальное». Как оказалось, уничтожил не все. В гораздо большей степени, чем в «Общественном договоре», Руссо проводит во фрагменте различие между своими взглядами и учением Томаса Гоббса. Перевод сделан по изданию: Rousseau J.-J. Principes du droit de la guerre. Paris, 2008. P. 69–81. Комментарий С. В. Занина.

* * *

Я открываю книги о праве и морали, слушаю ученых и правоведов и, проникнутый их вкрадчивыми речами, оплакиваю несчастья, причиняемые природой, и восхищаюсь миром и справедливостью, установленными гражданским порядком, благословляю мудрость общественных установлений и утешаю себя тем, что я человек и считаю себя гражданином. Хорошо разобравшись, в чем заключаются мои обязанности и мое счастье, я закрываю книгу, выхожу из комнаты для занятий и оглядываюсь вокруг: я вижу несчастные народы, дрожащие от страха в оковах, человечество, раздавленное пятой угнетателей, толпы людей, измученных горем, не имеющих куска хлеба, кровь и слезы которых богач спокойно вкушает; и везде сильный вооружен против слабого устрашающей силой законов. И все это совершается потихоньку и безо всякого сопротивления: это покой спутников Одиссея, заключенных в пещере Циклопа и ожидающих, когда их съедят. Остается только вздрагивать от страха и молчать. Набросим покров веков на все эти ужасы. Я поднимаю взор и смотрю

¹ Печатается по: Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Издание подготовили Б. Бернарди, С. В. Занин, отв. ред. И. А. Исаев, пер. С. В. Занина. — СПб.: Издательство «Росток», 2013. — С. 240–258. Ссылки на примечания С. В. Занина даны в квадратных скобках.

вдаль. Я замечаю огонь и пепелища, опустевшие деревни, разграбленные города. Свирепые люди, куда вы тащите этих несчастных? Я слышу жуткий грохот: какое смятение и какие крики! Я подхожу ближе и вижу сцены убийств, десять тысяч зарезанных людей, сваленных в кучу, умирающих, растоптанных копытами лошадей: картина смерти и предсмертных мук. Вот он, плод этих мирных установлений. Жалость и возмущение поднимаются из глубины моего сердца. Ах, жестокосердный философ, прочитай нам свою книгу на поле боя.

Как только все нутро человека не перевернется при виде этих грустных предметов? Но ныне непозволительно быть человеком и заступаться за человечество. Справедливость и правда должны уступить место выгоде самых могущественных лиц, таково правило. Народ-то не дает ни пенсий, ни должностей, ни кафедр, ни мест в академиях; во имя чего его следует защищать? Великодушные государи, от которых мы ждем всего этого, я обращаюсь к вам от имени всех писателей. Угнетайте народ со спокойной совестью; от вас только мы и можем чего-то ждать, а народ нам никогда и ни на что не сгодится.

Как такой слабый голос будет услышан среди криков продажных людей? Увы, мне следует замолчать, но голос моего сердца сможет ли пронзить столь печальную тишину? Нет, не вдаваясь в отвратительные подробности, которые будут выглядеть сатирой уже потому только, что они правдивы, я, как и всегда, ограничусь исследованием начал человеческих учреждений и, если только возможно, попытаюсь исправить те ложные мысли, что нам о них внушили авторы, преследующие собственную выгоду, и, по крайней мере, постараюсь сделать так, чтобы несправедливость и насилие не принимали бесстыдно имя права и правосудия.

Первое, что я замечаю, изучая положение человеческого рода, это явное противоречие в его устройстве, которое делает его неустойчивым. Если принять во внимание общежитие людей, то мы живем в гражданском состоянии и подчиняемся законам. Если рассматривать общежитие народов, каждый из них пользуется природной свободой; все это, в сущности, делает наше положение более худшим, чем в том случае, если бы все эти различия не существовали. Ибо, живя одновременно в порядке общественном и в природном состоянии, мы находимся в плену неудобств того и другого, не находя безопасности ни в одном из них. По правде сказать, совершенство порядка общественного заключается во взаимодействии силы и закона: но при этом необходимо, чтобы закон направлял силу, тогда как, придерживаясь мысли о том, что независимость государей безусловна, только лишь сила, обращающаяся к гражданам во имя закона и к иностранцам во имя «пользы государства», лишает последних возможности, а первых воли к сопротивлению, таким образом, что ничтожное имя правосудия повсюду служит насилию охранной грамотой. Что же касается того, что все называют «правом народов», то совершенно ясно, что за отсутствием принудительной силы его законы — призрачны и еще более слабы, чем законы природы; последние, по крайней мере, обращены к сердцам частных лиц, тогда как у «права народов» нет никакой другой поруки, кроме пользы тех, кто ему подчиняется; его предписания соблюдаются, только если они подкреплены соображениями выгоды.

В этом промежуточном положении, где мы находимся, какому бы из двух порядков мы ни отдали предпочтение, сделав слишком много или слишком мало, мы в результате не сделали ничего и тем самым поставили себя в самое худшее положение из тех, в которых могли бы оказаться. Вот, как мне кажется, истинное происхождение общественных

бедствий.

На минуту противопоставим эти мысли отвратительным взглядам Гоббса, и мы обнаружим, что, в полную противоположность его бессмысленному учению, не только состояние войны не является природным для человека, но эта война возникла из мира или, по крайней мере, благодаря тем мерам предосторожности, которые люди приняли для обеспечения прочного мира. Но прежде чем начать обсуждение этого вопроса, постараемся пояснить, что следует понимать под состоянием войны.

Что есть состояние войны

Хотя два слова — война и мир — кажутся словами взаимно соотносимыми, второе из них имеет более широкое значение, с учетом того что мир можно нарушить и поколебать многими способами, не прибегая к войне. Покой, союз, взаимопонимание, все мысли о благожелательности и взаимной привязанности, кажется, заключены в этом сладостном слове «мир». Оно привносит в душу полноту чувств, которая побуждает нас ценить наше собственное существование и одновременно существование ближнего. Оно представляет собой узы между живыми существами, объединяющие их во всеобъемлющем порядке, и обладает всей полнотой смысла лишь в разуме Бога, для Которого ничто существующее не может причинять вред и Который желает сохранения всех существ, созданных Им.

Устройство нашего мира не позволяет то, чтобы все существа, обладающие чувствами, одновременно содействовали взаимному счастью, ведь благополучие одного является злом для другого, ибо, согласно закону природы, каждый отдает предпочтение самому себе; и когда он действует на пользу себе и во вред постороннему, тотчас покой того, кто испытывает страдание, нарушен. И вот, естественно не только отбиваться от зла, которое преследует нас по пятам, но и то, что, когда разумное существо видит это зло в злобных намерениях постороннего, оно раздражается, стремясь обратить это против того, кто его причиняет. Отсюда возникают разногласия, ссоры, а иногда и стычки, но пока еще не война.

Наконец, когда обстоятельства таковы, что существо, наделенное разумом, приходит к убеждению, что забота о самосохранении несовместима не только с благополучием, но и с существованием постороннего, тогда это существо с оружием посягает на жизнь постороннего и стремится его уничтожить с тем же пылом, с которым стремилось сохранить самого себя, и по тому же самому соображению. Потерпевший, чувствуя, что его существование несовместимо с существованием нападавшего, в свою очередь и из всех сил покушается на жизнь того, кто хочет отнять его собственную; это явное желание уничтожить друг друга и все действия, на это направленные, устанавливают между двумя врагами отношения, называемые войной.

Из этого следует, что война заключается не в одной или нескольких непреднамеренных стычках и даже не в душегубстве и убийстве, совершенных в порыве гнева, но в осознанной, постоянной и явной воле уничтожить своего врага. Ибо для того, чтобы решить, будто существование этого врага несовместимо с нашим благополучием, нужно обладать хладнокровием, разумом, всем тем, что порождает твердое решение; и для того, чтобы это отношение было взаимным, необходимо, чтобы враг, в свою очередь, зная, что покушаются на его жизнь, имел намерение ее защищать ценой нашей жизни. Все эти мысли и заключены в слове «война».

Прилюдные проявления этой злонамеренности в виде поступков называются враждебностью: но имеет ли место враждебность или нет, отношения под названием война не могут прекратиться иначе как миром. В противном случае каждый из врагов, не обладая никакой уверенностью в том, что противник прекратил покушения на его жизнь, не может, да и не должен бы перестать ее защищать ценой жизни противника.

Установленные различия дают возможность указать на различия в значении слов. Когда люди держат друг друга в тревоге, проявляя постоянную враждебность, это именно то, что называется «вести войну». Напротив, когда два заведомых врага остаются в спокойствии и не предпринимают никаких враждебных действий, отношения между ними от этого не меняются, но, пока они в настоящем никак не проявляются, они просто называются состоянием войны. Долгие и изнурительные войны, которые не удается прекратить, обычно порождают это состояние. Порой, вместо того чтобы затихнуть в бездействии, враждебность лишь ожидает благоприятного момента, чтобы застигнуть врага врасплох, и часто состояние войны, порождающее это временное бездействие, еще опаснее открытой войны.

Спорили о том, является ли перерыв в войне, временный отказ от применения оружия, земский мир [1] состоянием войны или мира. Согласно введенным ранее понятиям, все названное является лишь видоизмененным состоянием войны; в нем оба врага связывают друг другу руки, не утрачивая и не скрывая желания причинять вред. Делают приготовления, накапливают оружие, припасы для осады, продолжают военные мероприятия, точный замысел которых неясен. Это в достаточной мере показывает, что намерения не изменились. То же самое происходит, когда враги сходятся на нейтральной территории, не нападая друг на друга.

Кто может себе представить без содрогания лишенные смысла соображения о природной войне каждого против всех? Каким странным животным является животное, усматривающее свое благополучие в уничтожении своего вида, и как можно постичь то, что столь чудовищный и достойный презрения вид в состоянии просуществовать дольше двух поколений? А между тем, вот до чего жажда или, вернее, неистовое желание установить деспотизм и безропотное повиновение довели одного из самых прекрасных гениев, который когда-либо существовал. Столь кровожадное начало оказалось вполне достойным его размышлений [2].

Положение в обществе, стесняющее все наши природные склонности, не может, однако ж, свести их на нет; вопреки нашим предрассудкам и вопреки нам самим, они все еще подают голос в глубине наших сердец и снова возвращают нас к правде, покинутой нами ради несбыточных мечтаний. Если бы эта природная и разрушительная для нас неприязнь друг к другу была неразрывно связана с нашим внутренним устройством, она бы все равно нами ощущалась и, вопреки нашим желаниям и невзирая на оковы общественных отношений, отвращала бы нас друг от друга. Жуткая ненависть к человечеству снедала бы сердце человека. Он огорчался бы, узнав о рождении своих собственных детей, и радовался бы смерти братьев; и когда бы он увидел, что кто-либо заснул, первым его побуждением было бы его убить.

Благорасположение, которое заставляет нас разделять счастье с себе подобными, сочувствие, заставляющее нас встать на место того, кто страдает, и страдать при виде его горя, были бы чувствами незнакомыми и противными природе. Такой человек, чувствительный и склонный к жалости, стал бы чудовищем, и мы стали бы естественным

образом теми, кем нам весьма трудно стать в силу испорченности нравов, которая идет за нами по пятам.

Напрасно софист стал бы утверждать, что эта взаимная враждебность не является врожденной и непосредственной, но вытекает из неизбежного соперничества прав каждого на все вещи, поскольку ощущение этого так называемого права является не более естественным, чем война, которую порождает сознание сего права. Я это уже говорил и не собираюсь повторяться [3]: ошибка Гоббса и философов в том, что они смешивают человека природы с людьми, находящимися у них перед глазами, и в том, что они переносят в некий порядок вещей человека, способного выжить только при ином порядке вещей. Человек желает себе благополучия и того, что может этому содействовать. Это бесспорно. Но естественным образом благополучие человека ограничено физически необходимым: ибо когда его душа чиста, а тело не страдает, чего же не хватает ему, чтобы быть счастливым сообразно его устройству? Тот, у кого ничего нет, желает малого; тот, кто не распоряжается никем, мало на что притязает. Но излишек разжигает зависть: чем больше получаешь, тем больше желаешь. Тот, кто обладает многим, захочет иметь все; безумное стремление создать всемирную монархию терзало сердце лишь великого короля [4]. Вот ход вещей согласно природе; вот развитие пристрастий человека. Поверхностный философ присматривается к душам людей, сотни раз изменивших свой облик, находящимся в состоянии брожения благодаря закваске общества, и думает, что наблюдает человека как такового. Но чтобы его познать, необходимо уметь распознать последовательность его чувств в соответствии с его природой; и отнюдь не среди жителей больших городов следует искать изначальные черты природы, запечатленные в сердце человека².

Пусть даже безграничная, неутолимая зависть разовьется во всех людях до степени, допускаемой нашим софистом, произведет ли она это состояние всеобщей войны каждого против всех, отвратительную картину которой осмелился нарисовать Гоббс? Это безудержное желание приобретать все окружающие вещи несовместимо с желанием уничтожать себе подобных; и победитель, убивший всех, имел бы несчастье остаться один на всем свете и ничем бы не смог наслаждаться именно потому, что обладал бы всем. Да и сами богатства: к чему они, если их некому передать; да и к чему владение всем миром, если ты в нем — единственный житель? Как! Его желудок способен поглотить все плоды земли? Кто соберет для него то, что произрастает в различных природных условиях? Кто донесет свидетельство о его господстве до отдаленных и необитаемых земель, в которых он никогда не будет жить? Что он будет делать со своими сокровищами? Кто будет потреблять его запасы? Перед чьими глазами он будет выставлять напоказ свою власть? Понятно! Вместо того чтобы всех изрубить, он всех закует в оковы хотя бы для того, чтобы иметь врагов. И это тут же меняет постановку вопроса, поскольку речь идет не о том, чтобы разрушать, ибо состояние войны сведено на нет. Пусть читатель здесь воздержится от

² Итак, этот аналитический прием рассуждений являет разуму человека лишь загадки и темные пучины, в которых самый мудрый человек не может разобраться. Пусть зададут вопрос, почему нравы портятся по мере того, как разум просвещается. Будучи не в состоянии найти причину, они упорно станут отрицать сам факт. Пусть спросят, почему дикари, перенесенные в нашу среду, не разделяют с нами ни наших наслаждений, ни наших пристрастий, и их совсем не заботит все то, чего мы так страстно желаем. Эти мудрецы не найдут объяснения этому или найдут его лишь согласно установленному мной началу. Им знакомо лишь то, что они видят, а на природу они не обращают внимания. Они отлично знают, что такое парижский или лондонский горожанин, но они никогда не узнают, что такое человек (прим. Руссо).

суждения. Я не забуду остановиться на этом вопросе.

Человек по своей природе миролюбив и боязлив. При малейшей опасности первое его побуждение — пуститься в бегство. Он становится воинственным только в силу привычки и благодаря опыту. Почести, выгода, предрассудки, месть, все эти пристрастия, которые могут заставить его бросить вызов опасностям и смерти, в природном состоянии ему чужды. И только после того, как он образовал сообщество с одним человеком, он решается напасть на третье лицо; он становится солдатом только после того, как стал гражданином. Во всем этом незаметно значительных приготовлений к ведению войны с себе подобными. Но я и так слишком долго останавливался на опровержении взглядов, столь же возмутительных, сколь и бессмысленных, которые сотни раз опровергали раньше.

Следовательно, не существует общей войны человека с человеком, и человеческий род образовался не для того только, чтобы разрушить себя изнутри. Остается рассмотреть войну случайную и частную, могущую возникнуть между двумя или несколькими лицами.

Если бы закон природы был начертан только в человеческом разуме, он оказался бы мало пригоден для того, чтобы направлять бо́льшую часть наших поступков, но он еще и запечатлен в сердце человека нестираемыми письменами, и именно там он звучит более убедительно, чем все наставления философов; именно там он вещает о том, что человеку позволительно принести в жертву жизнь себе подобного только ради сохранения своей собственной, и заставляет его ужасаться бездушному кровопролитию, даже если его к нему вынуждают.

Я признаю, что при ссорах в отсутствие судьи, которые могут возникнуть в природном состоянии, в раздражении человек иногда может убить другого человека, либо нападая открыто, либо застигнув его врасплох; но, коль скоро идет речь о настоящей войне, представьте себе, в каком странном положении должен бы оказаться тот же самый человек, не имея возможности сохранить свою жизнь иначе как ценою жизни другого человека; в силу отношений зависимости, возникших между ними, одному надлежало бы умереть для того, чтобы другой мог жить. Война — постоянное состояние, предполагающее устойчивые отношения, а они редко имеют место в отношении человека с человеком, поскольку все в отношениях между отдельными лицами непрерывно меняется и беспрестанно изменяет соображения выгоды. Таким образом, объект спора возникает и прекращает свое существование почти в одно и то же мгновение, а ссора начинается и заканчивается в один и тот же день, и могут иметь место убийства и сражения, но никогда (или крайне редко) — продолжительная вражда и войны.

Тем более состояние войны не может существовать между частными лицами в гражданском состоянии, где жизнь всех граждан находится в распоряжении верховной власти и где никто не имеет права располагать ни собственной жизнью, ни жизнью постороннего. В том же, что касается дуэлей, вызовов на поединок, турниров один на один, помимо того что это незаконное и дикое нарушение воинского устава, из этого совершенно не вытекает подлинное состояние войны, но частное дело, и оно окажется исчерпанным в определенное время и в определенном месте, так что для нового боя необходим новый вызов. Из всего этого нужно исключить частные войны, которые прерывались ежедневным прекращением военных действий, называвшимся земским миром и предписанным установлениями Людовика Святого. Но этот пример — единственный в истории.

Можно, однако, спросить: могут ли короли, независимые от людской власти, начать

между собой личные и частные войны независимо от своего государства? Это, очевидно, пустой вопрос, ибо, как известно, не в обычаях государей беречь окружающих и подвергать себя личной опасности. И тем более этот вопрос связан с другим, который решать не мне, а именно: подчинен ли государь законам или нет, ибо если он им подчинен, то его жизнь принадлежит государству так же, как и жизнь любого гражданина. Но если государь стоит над законами, он живет в чисто природном состоянии и не должен отдавать отчет в своих действиях ни подданным, ни кому бы то ни было.

О состоянии общественном

А теперь мы переходим к рассмотрению нового порядка вещей. И мы тотчас увидим людей, сплоченных притворным взаимопониманием, собравшихся вместе с тем, чтобы перерезать друг другу глотки, и все ужасы войны, возникшие вследствие стараний ее предотвратить. Но важно в первую очередь нам самим выработать более ясные, чем прежде, понятия о сущности политического организма. Пусть читатель имеет в виду, что здесь речь идет не столько об истории и событийной стороне, сколько о праве и правосудии, и что я хотел бы исследовать природу вещей, а не предрассудки.

Как только возникло первое общество, необходимым следствием этого стало образование и всех остальных. Следовало или вступить в него, или объединиться, чтобы оказать ему сопротивление. Следовало или поступить по этому примеру, или позволить ему себя поглотить.

И так все на земле изменилось: повсюду природа исчезла, и повсюду человеческое искусство заняло ее место. Природная независимость и свобода уступили место законам и рабовладению, больше не стало свободных государств; философ ищет человека и не находит. Но тщетно думали извести природу: она возрождалась и проявляла себя там, где меньше всего ожидали. Независимость, отнятая у людей, нашла убежище в обществах, и эти большие организмы, находясь во власти собственных побуждений, производили тем более разрушительные столкновения, чем больше их громада превосходила размеры отдельных людей.

Но мне возразят: каждый из этих организмов обладает большой устойчивостью. Как же стало возможно, что они пришли в столкновение между собой? Их собственное устройство разве не должно было удерживать их в вечном мире между собой? Вынуждены ли они, по примеру людей, искать вовне то, что удовлетворит их потребности? Разве внутри них самих нет того, что необходимо для их самосохранения? Обмен и конкуренция являются ли источником неизбежного раздора? Да разве не существовали во всех странах мира жители до возникновения торговли? Это бесспорное доказательство в пользу того, что они могли прожить и без нее.

Я ограничусь тем, что отвечу на это, опираясь на факты и не опасаясь упреков. Но я не забываю, что рассуждаю здесь о природе вещей, а не о событиях, которые могут иметь тысячи особых причин, не зависящих от общего начала. Однако рассмотрим внимательно устройство политических образований, и хотя в целом каждое из них достаточно для самосохранения, мы обнаруживаем, что их взаимные отношения не менее тесны, чем отношения между индивидами. Ибо человек, в сущности, по необходимости никоим образом не зависит от себе подобных, он может выжить и без их помощи, сохраняя, насколько

возможно, телесную крепость. Он нуждается не столько в заботах окружающих, сколько в плодах земных, а земля производит более чем достаточно для того, чтобы прокормить своих жителей. Добавим к этому, что силы и величие человека имеют пределы, установленные природой, и за них невозможно выйти. И кем бы он себя ни воображал, его способности оказываются ограниченными. Жизнь коротка, а годы сосчитаны. Его желудок не увеличивается в размерах, когда богатств становится больше; напрасно умножать желания, ибо существует мера удовольствий, ограничены и потребности сердца, как и все остальное, а его способность получать наслаждения также неизменна. Напрасно он мысленно возвышает себя: он все же остается незначительным.

Напротив, государство, будучи искусственным образованием, не имеет определенной природой меры, величина его может беспредельно и постоянно возрастать; оно всегда чувствует себя слабым, пока рядом находятся более сильные. Его безопасность и самосохранение требуют, чтобы оно становилось более могущественным, чем соседи, и оно не может увеличивать, питать и упражнять свои силы иначе, как за их счет. Если оно не нуждается в поисках себе пропитания вовне, оно беспрестанно ищет для себя все новые составные части, которые придают ему нерушимую прочность. Ибо неравенство людей имеет пределы, установленные самой природой, но неравенство между обществами может возрастать непрестанно до тех пор, пока одно из них не поглотит остальные.

Итак, поскольку величина политического организма весьма относительна, то он вынужден беспрестанно сравнивать себя с остальными, чтобы узнать себе цену; он зависит от окружающего мира, вникает во все, что происходит вокруг, и тщетно его желание замкнуться в себе, при этом не теряя и не выигрывая: оно все равно будет иметь бóльшие или меньшие размеры, будет сильнее или слабее в зависимости от того, расширяются или уменьшаются границы соседа, который становится сильнее или ослабевает. И, наконец, его собственная прочность, сообщая большее постоянство внутренним отношениям, оказывает более определенное влияние на его внешнее поведение, а его ссоры с соседями становятся опаснее.

Порой кажется, что люди взялись перевернуть вверх дном все истинные представления об окружающих вещах. Все склоняет человека природы к покою, а еда и сон — его единственные потребности. Лишь голод выводит его из праздности. А его превратили в одержимого, всегда готового досаждать ближним устремлениями, которые, однако ж, ему несвойственны. Напротив, пристрастия, которые жизнь в обществе только усилила благодаря свойственным ей соблазнам, словно бы и не существуют. Тысячи писателей осмеливались утверждать, что у политического образования нет устремлений и нет других соображений пользы государства, кроме разумных. Как будто бы не замечали того, что, напротив, сущность общества заключена в поступках его членов, и государство без движения есть не что иное, как безжизненный организм. Как будто бы история мира не указывает нам на то, что наилучшим образом устроенные государства были наиболее предприимчивыми и что как внешнее, так и внутреннее постоянное действие и противодействие всех частей свидетельствует о крепости организма в целом.

Различия между произведением человеческого искусства и творением природы обнаруживают себя в своих проявлениях. Напрасно граждане называют себя частями государства, они не способны соединиться с ним, подобно частям тела; невозможно сделать так, чтобы каждый не обладал личным и особым существованием, благодаря которому ему

хватает сил для сохранения самого себя; его нервы менее чувствительны, мускулы менее крепки, все узлы в организме слабы, малейшая случайность может нарушить общее единство.

Пусть не упускают из вида, насколько в сочленениях политического организма сила общества меньше суммы частных сил, как много, если можно так выразиться, трений в движениях всех механизмов, и поймут, что, с учетом соразмерности сил, самый хилый человек обладает гораздо большей силой самосохранения, чем самое могучее государство.

Следовательно, для выживания государства необходимо, чтобы живость его пристрастий восполнялась медлительностью движений, а его воля проявлялась в той мере, в какой сила ослабевала. Это закон сохранения, который сама природа установила во взаимоотношениях видов и укрепляет его, несмотря на неравенство между ними. Именно в этом (заметим по ходу) заключена причина того, почему малые государства, с учетом соразмерности, обладают большей прочностью, чем большие, ибо чувствительность внутри сообщества не возрастает в зависимости от размеров территории: чем больше государство расширяется, тем меньше его воля теплится в нем, а его движения становятся бессильными, и этот большой организм, придавленный собственным весом, становится грузным, впадает в бессилие и погибает.

После того как перед нашим мысленным взором предстала Земля, занятая вновь возникшими государствами, и мы установили общую зависимость, которая влечет их к взаимному разрушению, нам остается рассмотреть, в чем в точности заключается их земное существование, их благополучие и жизнь, чтобы затем обнаружить, с помощью какого рода враждебных действий они в состоянии нападать друг на друга и взаимно причинять вред.

Именно из общественного согласия возникает единство организма общества и его общее «Я», а его правление и законы делают его строение более или менее прочным, его жизнь заключена в сердцах граждан, их храбрость и их нравы позволяют ему более или менее долго жить. Только действия, внушенные общей волей и совершаемые им свободно, ему можно вменить в вину, и именно по природе этих действий можно судить, хорошее или плохое устройство имеет существо, которое их произвело.

Пока существует общая для всех воля соблюдать согласие в обществе и законы, это согласие действительно, и пока эта воля проявляется вовне в действиях государства, оно не уничтожено. Но, не переставая существовать, оно становится очень крепким или оказывается на грани гибели, сильным или слабым, здоровым или больным, стремится разрушить себя или упрочить. Его благополучие может возрастать или ухудшаться бесчисленным множеством способов, что почти всегда зависит от него самого. Но эти весьма значительные детали не являются предметом моих рассуждений; но вот вкратце все то, что имеет к этому отношение.

Общий взгляд на войну государства против государства

Жизненное начало политического организма и, если можно так выразиться, сердце государства есть общественное согласие; отсюда следует, что как только его ранят, оно приходит в упадок, распадается и умирает; но это согласие не есть грамота в переплете, которую достаточно разорвать для того, чтобы уничтожить государство. Она начертана

общей волей, и именно поэтому ее невозможно отменить.

Так как поначалу невозможно разделить целое, покушаются на части. Если организм неуязвим, то, чтобы его ослабить, ранят части тела. Если невозможно лишить его существования, то пытаются нанести вред его благополучию, и если невозможно добраться до вместилища жизни, разрушают то, что ее поддерживает: нападают на правительство, законы, нравы, имущество, владение, людей. Государство неизбежно погибает, когда уничтожено то, что его сохраняет.

Все средства хороши или могут быть таковыми во время войны одного государства против другого, и часто они являются условиями мира, навязанными победителем ради того, чтобы продолжать причинять вред безоружному побежденному.

Ибо цель того зла, которое причиняют врагу войной, — заставить его страдать, и в еще большей мере во время мира. И нет таких проявлений враждебности, примеров которых не встречалось бы в истории. Мне нет нужды объяснять, что означают контрибуции деньгами, товарами или съестными припасами, отнятые земли, выселенные со своих мест жители. Ежегодная дань людьми — вещь не такая уж редкая. Не углубляясь во времена Миноса и афинян, заметим, что известно, как императоры Мексики нападали на своих соседей только для того, чтобы принести в жертву пленников; да и в наши дни войны королей Гвинеи между собой и с народами Европы ведутся лишь ради дани людьми и продажи рабов. Цель и последствия войны — иногда всего лишь попытка разрушить строй вражеского государства. И это нетрудно доказать. Греческие республики нападали друг на друга не столько с целью лишить друг друга свободы, сколько с целью сменить образ правления, а меняли его у побежденных лишь для того, чтобы держать их в большей зависимости. Македонцы, как и все победители Спарты, всегда преследовали цель отменить в ней законы Ликурга, а римляне считали знаком высшего милосердия в отношении побежденного народа сохранение у этого народа законов его страны. Известно основное правило их политики — сеять рознь среди своих врагов и самим держаться в стороне от искусств, расслабляющих и требующих усидчивости, которые изнеживают и изматывают людей. «Оставим тарентцам их гневливых богов», — говорил Фабий, когда его упрашивали привезти в Рим статуи, которыми был украшен Тарент; и правильно вменяют в вину Марцеллу упадок нравов римлян из-за того, что он не придерживался этой самой политики в Сиракузах. И верно, что ловкий завоеватель иногда причиняет гораздо больше вреда побежденным, оставляя им что-то, а не лишая их чего-либо; и, напротив, жадный самозванец наносит себе вред гораздо больший, чем врагу, когда творит ему зло, не скрывая этого. Это воздействие на нравы всегда рассматривалось просвещенными государями как очень важная вещь. Все наказание, которому Кир подверг восставших лидийцев, заключалось в предписании вести изнеженную и распущенную жизнь; и то, как за дело взялся тиран Аристодем ради удержания жителей Кум в зависимости от себя, слишком любопытный пример, чтобы его не привести [5].

Этих примеров достаточно, чтобы дать представление о различных средствах, с помощью которых можно ослабить государство, и о тех, которые, как кажется, война дает право использовать во вред врагу; в том же, что касается соглашений, некоторые из указанных средств являются их условиями; чем же являются подобные мирные соглашения, если не продолжающейся войной с тем большей жестокостью, что побежденный враг больше не имеет права защищать себя?

Присоедините к этому ощутимые свидетельства враждебности, выдающие желание причинить вред, лишить державу положенного ей наименования, отказать ей в правах, отвергнуть ее притязания на свободу торговать, создать ей врагов и, наконец, под любым предлогом нарушать в отношении нее международное право.

Эти различные способы ранить политический организм разве не являются во всех отношениях осуществимыми или одинаково полезными для того, кто ими пользуется, предпочтительно теми из них, что естественным образом дают выгоду нам и наносят урон врагу? Земли, деньги, люди, все награбленное, все, чем можно завладеть, становится поводом для взаимной враждебности, и низменная жадность незаметно меняет взгляд на вещи, война в конце концов выливается в грабеж, и завоеватели и враги мало-помалу становятся тиранами и ворами.

Из опасения незаметно для себя согласиться с этой переменной мыслью, определим содержание наших собственных и постараемся сделать это определение настолько простым, что заблуждение станет невозможным.

Итак, я называю состоянием войны державы с державой внешнее проявление взаимного и постоянного стремления разрушить или, по крайней мере, ослабить всеми возможными средствами вражеское государство. Это стремление, выраженное в действиях, есть война в собственном смысле слова; пока она не имеет внешнего проявления, она есть лишь состояние войны.

Предвижу возражение: поскольку, по моему мнению, состояние войны является естественным между державами, почему стремление, из которого она следует, должно обязательно проявить себя открыто? На это я отвечу, что ранее речь шла о природном состоянии, а здесь о положении законном, и в дальнейшем я покажу, почему для того, чтобы война стала войной, нужно ее провозгласить.

Основные различия

Я прошу читателя обратить внимание: я исследую здесь не то, что делает войну полезной для того, кто ее ведет, а то, что делает ее законной. Быть справедливым — накладно. Но разве это избавляет от необходимости оставаться справедливым? Так как никогда не было и не может быть войны между частными лицами, кто же те, между кем она ведется, и кто может в действительности назвать себя врагом? Я отвечу, что это общество в качестве лица. А что такое общество в качестве лица? Я отвечаю, что это — моральное существо, которое называют сувереном и существующее в силу общественного согласия, а его волеизъявления носят имя законов. Применим к этому установленные прежде различия; во внешних проявлениях войны именно суверен причиняет вред, а государство его претерпевает.

Если война ведется между моральными существами, нет нужды упрекать в этом людей, и можно вести войну, никого не лишая жизни. Но здесь требуются разъяснения.

Если рассматривать вещи с точки зрения строгого смысла этого согласия в обществе, то земля, деньги, люди, все, кто находится внутри государства, от него безраздельно зависят. Но права общества, основанные на естественных правах, не могут быть им уничтожены, все эти предметы должны быть рассмотрены в двояком отношении, а именно: земля в качестве территории государства и в виде достояния частных лиц, вещи, принадлежащие в одном

отношении суверену и собственникам в другом, жители в качестве граждан и в качестве людей. В сущности, общественный организм как моральное существо является лишь существом, созданным разумом. Уничтожьте общественное соглашение, и тут же это существо будет уничтожено, но ни одна из его составляющих не окажется поврежденной, и никогда никакие соглашения между людьми не смогут ничего изменить в физических отношениях. Что значит вести войну с сувереном? Это означает нападать на общественное соглашение и на то, что из него вытекает, ибо сущность государства заключена именно в нем. Если бы общественное соглашение можно было разом прервать, никакой войны не будет; государство уничтожат одним ударом, и при этом ни один человек не погибнет. Аристотель говорил [7], что, для того чтобы позволить жестокое обращение, которое илоты терпели в Спарте, эфоры, вступая в свою должность, торжественно объявляли им войну. Это объявление было столь же ненужным, сколь и варварским. Состояние войны существовало между ними именно потому, что одни были хозяевами, а другие рабами. И не подлежит сомнению, что именно потому, что спартанцы убивали илотов, илоты были не вправе убивать спартанцев.

Примечания

1. Имеется в виду французский король из династии Капетингов Людовик IX Святой (1226–1270). Упомянутые здесь преобразования способствовали укреплению центральной власти и преодолению феодальной раздробленности, ставшей основной причиной анархии того времени. Людовик запретил феодальные войны между своими вассалами и установил так называемые «сорок дней короля».
2. В данном случае Руссо ссылается на рассуждения Томаса Гоббса в «Левиафане» (см.: Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. Т. 2. — М., 1975. — С. 95–96). То, что «гордость» (pride) у Гоббса является причиной «войны всех против всех», подробно разъясняется в кн.: Oakeshott M. Hobbes on civil Association. Indianapolis, 1937. P. 161–163; переизд. в 1975 г.).
3. См. трактат Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М., 1969. — С. 72).
4. Учение о всемирной монархии создано Данте в трактате «О монархии», но Руссо здесь имеет в виду притязания Людовика XIV, о которых писал Монтескье в трактате «О всемирной монархии» (De la monarchie universelle).
5. Все примеры, приведенные Руссо, взяты из «Параллельных жизнеописаний» Плутарха (Жизнь Кира и т. д.).
6. Аристотель. Политика. Кн. II. Гл. 10; ср.: Плутарх. Жизнеописание Ликурга. Гл. 28.